

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-260-266

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ДРОППЕРСТВО В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы применения новых частей 3-6 статьи 187 УК РФ, введенных в связи с криминализацией дропперских схем в безналичном платежном обороте. Обосновывается, что дропперство не должно рассматриваться как механическое продолжение мошенничества: его самостоятельная общественная опасность выражается в обслуживании криминальной платежной инфраструктуры, сокрытии финансового следа и затруднении возмещения вреда потерпевшим. Особое внимание уделено разграничению ст. 187 УК РФ с мошенничеством, незаконной банковской деятельностью и легализацией преступных доходов, а также доказыванию корыстной заинтересованности и осознания неправомерности операции. Предлагается модель цифровой цепочки доказательств, включающая транзакционные, технические, коммуникативные и имущественные данные.

Ключевые слова: дропперство, электронные средства платежа, ст. 187 УК РФ, неправомерная операция, дистанционное мошенничество, цифровые доказательства, уголовный процесс, банковский антифрод.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

DROPPER ACTIVITY IN THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST CASHLESS PAYMENTS: CRIMINAL-LAW QUALIFICATION AND PROCEDURAL PROOF

Annotation. The article examines criminal-law and criminal-procedural issues arising from the new parts 3-6 of Article 187 of the Russian Criminal Code, introduced to criminalize dropper schemes in cashless payments. The author argues that dropper activity should not be treated as a mere technical continuation of fraud. Its independent public danger lies in maintaining criminal payment infrastructure, concealing financial traces and complicating compensation to victims. The article proposes a procedural model of a digital chain of evidence, combining transactional, technical, communicative and property-related data.

Key words: dropper activity, electronic means of payment, Article 187 of the Russian Criminal Code, unlawful transaction, remote fraud, digital evidence, criminal procedure, banking anti-fraud.

Расширение безналичных расчетов радикально изменило экономическую фактуру преступности. В классической модели имущественного преступления потерпевший лишился наличных денег или вещи; в современной модели

хищение часто завершается не физическим изъятием, а цифровой маршрутизацией денежных средств через цепочку банковских счетов, электронных средств платежа и номинальных участников оборота. Именно здесь возникает фигура

дроппера - лица, которое предоставляет карту, счет, электронное средство платежа либо доступ к нему для вывода похищенных денежных средств, дробления транзакций, обналачивания и последующего затруднения финансового следа.

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ статья 187 УК РФ была дополнена специальными составами, ориентированными на дропперские схемы [1]. В результате уголовно-правовая реакция государства сместилась от исключительно последующего преследования основного мошенника к криминализации инфраструктурного участия в обороте электронных средств платежа. Это решение, с практической точки зрения, оправдано: массовое дистанционное мошенничество невозможно без сети лиц, принимающих, переводящих или снимающих денежные средства. Однако новая конструкция порождает сложные вопросы квалификации, доказывания и разграничения уголовно наказуемого дропперства с гражданско-правовой неосмотрительностью клиента банка, административно-финансовыми антифрод-ограничениями и поведением потерпевшего, действующего под влиянием обмана.

До реформы 2025 г. дропперские действия обычно оценивались через призму соучастия в мошенничестве, пособничества легализации, незаконной банковской деятельности либо неправомерного оборота средств платежей в прежней редакции. Такой подход был фрагментарным. Он требовал доказать не только передачу карты или участие в переводе, но и осведомленность лица о конкретном хищении, организованной схеме либо цели легализации. В массовых делах о дистанционном мошенничестве это приводило к очевидному доказательственному разрыву: лицо получало вознаграждение за предоставление счета, но формально могло утверждать, что не знало о природе поступающих средств.

Новая редакция ст. 187 УК РФ устранила часть этого разрыва. Законодатель выделил четыре самостоятельные модели поведения: передачу клиентом электронного средства платежа или доступа к нему другому лицу для неправомерных операций; совершение клиентом неправомерных операций по указанию другого лица или в его интересах; приобретение или передачу электронного средства платежа лицом, не являющимся стороной договора с оператором; осуществление неправомерной операции таким посторонним лицом [2]. Тем самым уголовный закон охватил как «пассивного» дропа, сдающего реквизиты, так и активного участника, который сам переводит или получает деньги по чужому указанию.

Важнейшим является объект преступления. В новых составах охраняется не только имущественный интерес потерпевшего, но и установленный порядок функционирования национальной платежной системы, доверие к электронным средствам платежа, устойчивость банковского комплаенса и возможность последующего уголовно-процессуального отслеживания денежных потоков. Поэтому ошибочно квалифицировать любое дропперство как простую разновидность мошенничества. Мошенничество направлено на завладение имуществом путем обмана или злоупотребления доверием; дропперство обеспечивает оборот уже поступивших или поступающих средств, создает инфраструктуру для сокрытия конечного выгодоприобретателя и повышает латентность цифрового хищения. Такое понимание меняет и вопрос о потерпевшем. По делам о мошенничестве потерпевшим обычно выступает лицо, у которого похищены денежные средства. По делам о дропперстве вред имеет более сложный характер: он затрагивает не только индивидуального потерпевшего, но и публичный интерес в защищенности платежного оборота. В этом смысле статья 187 УК РФ логически расположена в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности и не должна превращаться в универсальный квалификационный «дублер» ст. 159 УК РФ.

Вместе с тем, самостоятельность состава не означает его полной изоляции от предикатного преступления. Чтобы признать операцию неправомерной, необходимо установить, что средства зачислены на банковский счет без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований. Следовательно, расследование не может ограничиваться установлением факта передачи карты. Необходимо показать незаконное происхождение денежных средств либо их связь с переводом без добровольного согласия клиента, мошенническим воздействием, фиктивной сделкой или иной преступной схемой.

Главная квалификационная проблема состоит в определении пределов конкуренции ст. 187 УК РФ с составами мошенничества. Если лицо непосредственно участвует в обмане потерпевшего, формирует легенду, звонит от имени банка, направляет фишинговую ссылку либо координирует перевод денежных средств, его действия должны оцениваться как соисполнительство или пособничество в мошенничестве, а использование карты будет способом реализации хищения. Если же лицо не участвует в обмане, но за вознаграждение предоставляет платежный инструмент либо выполняет указания по выводу средств, приоритет имеет новая конструкция ст. 187 УК РФ с возможной совокупностью в случаях

доказанной осведомленности о конкретном хищении [3]. Не менее важно разграничение с незаконной банковской деятельностью. В частях 4 и 6 ст. 187 УК РФ законодатель прямо указывает на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Это означает, что дропперская операция не должна автоматически рассматриваться как банковская деятельность без регистрации или лицензии. Для ст. 172 УК РФ требуется систематическое осуществление банковских операций как деятельности, сопряженной с извлечением дохода в соответствующем качестве. Для дропперства достаточно неправомерного использования электронного средства платежа или доступа к нему в конкретной схеме, даже если лицо не организует устойчивый нелегальный платежный сервис.

С легализацией преступных доходов соотношение иное. Не всякий перевод через дропперскую карту является отмыванием. Легализация предполагает придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами, приобретенными преступным путем; поэтому необходима специальная цель легализации, а не просто вывод или обналичивание. Если дроппер лишь получает и переводит средства по указанию куратора, не маскируя их происхождение через мнимые сделки, инвестиции, предпринимательские платежи или иные легализующие конструкции, квалификация по ст. 174 или 174.1 УК РФ будет избыточной [4].

В экономико-правовом смысле дропперство занимает промежуточное положение между преступлением против собственности и преступлением против финансовой инфраструктуры. Именно поэтому применение ст. 187 УК РФ требует аккуратного анализа фактической роли лица. Один и тот же банковский счет может использоваться в трех разных уголовно-правовых режимах: как инструмент хищения, как средство неправомерного оборота электронного платежа и как элемент легализации. Универсальный критерий разграничения – направленность умысла и фактическая функция операции в преступной цепочке. С учетом принципа справедливости нельзя допускать автоматической квалификации по наиболее тяжкой части ст. 187 УК РФ только по причине значительного оборота по счету. Объем операции имеет значение, но не заменяет доказательств статуса лица, характера доступа к электронному средству платежа, связи с иными участниками и содержания договоренности о вознаграждении. В противном случае уголовно-правовая оценка будет строиться на банковских индикаторах риска, а не на признаках состава преступления.

Отдельно отметим, что новые части 3-5 ст. 187 УК РФ используют категорию «корыстная

заинтересованность». Для практики это ключевой фильтр, отделяющий уголовно наказуемое поведение от неосторожного нарушения правил финансовой безопасности. Передача карты родственнику, техническая помощь пожилому лицу, ошибочное раскрытие одноразового кода мошенникам или перевод под воздействием социальной инженерии сами по себе не образуют дропперства. Уголовная ответственность возникает тогда, когда лицо действует в собственном имущественном интересе либо в интересе получения иной материальной выгоды за предоставление платежного инструмента или совершение операции.

Однако корыстная заинтересованность не исчерпывается прямой оплатой. Она может выражаться в обещанном проценте от поступивших сумм, списании долга, предоставлении доступа к кредиту, криптовалютному вознаграждению, оплате связи, бонусах в теневой онлайн-площадке. Поэтому доказывание не должно сводиться к поиску одной банковской операции с назначением платежа «за карту». Следовательно обязан устанавливать экономический смысл поведения: почему лицо передало доступ, какие инструкции получило, что должно было получить, каким образом контактировало с организатором.

Более сложен вопрос о заведомости. Закон прямо не использует термин «заведомо» в новых частях ст. 187 УК РФ, но субъективная сторона предполагает осознание того, что электронное средство платежа передается или используется для неправомерных операций. Иначе уголовная ответственность превратилась бы в объективное вменение. Достаточно ли подозрения лица о незаконности схемы? На наш взгляд, для состава требуется не абстрактная догадка о «сомнительности заработка», а осознание существенных обстоятельств: передача платежного инструмента постороннему лицу, получение вознаграждения за транзит, необходимость срочного снятия или перевода денег, запрет сообщать банку истинную цель операции, использование чужих указаний и дробление сумм.

Ошибки в оценке характера операции должны рассматриваться дифференцированно. Если лицо введено в заблуждение и полагает, что помогает знакомому принять законный платеж, уголовный умысел отсутствует. Если же оно сознательно избегает знания, игнорирует очевидные признаки криминальной схемы, удаляет переписку, меняет SIM-карту, использует подставные устройства и получает вознаграждение, ссылка на незнание не должна приниматься как достаточная. Здесь возможно применение доктринальной конструкции «сознательного игнорирования», но только как способа оценки совокупности доказательств, а не как самостоятельной формы вины.

Особая группа риска - несовершеннолетние и социально уязвимые лица. Дропперские сети активно используют обещание «легкого заработка», микрокредиты, игровые сообщества, мессенджеры и псевдовакансии. В отношении таких лиц необходима проверка не только формального возраста уголовной ответственности, но и реального понимания финансовой природы действий, степени зависимости от организатора, наличия давления или обмана. Уголовная политика не должна превращать нижний уровень преступной инфраструктуры в удобный статистический объект, оставляя вне досягаемости организаторов.

Дропперство является доказательно насыщенным составом. Его расследование почти всегда основано на цифровой цепочке: заявление потерпевшего, сведения банка-отправителя, информация банка-получателя, данные о владельце электронного средства платежа, история авторизаций, IP-адреса, сведения о привязанных устройствах, видеозаписи банкоматов, переписка в мессенджерах, данные операторов связи и результаты компьютерно-технической экспертизы. При этом ни один элемент сам по себе обычно не является достаточным. Например, поступление похищенных денег на счет лица доказывает транзакционный контакт, но еще не доказывает корыстную заинтересованность или осознание неправомерности операции.

Предмет доказывания по таким делам должен включать: факт неправомерной операции; источник и правовое основание поступления денежных средств; статус лица как клиента оператора либо постороннего приобретателя электронного средства платежа; характер доступа к платежному инструменту; наличие указаний другого лица; содержание договоренности о вознаграждении; фактическое получение выгоды; связь операции с предикатным хищением или переводом без добровольного согласия; обстоятельства, исключающие преступность поведения или свидетельствующие об ошибке. Такой перечень вытекает из общих правил ст. 73 УПК РФ и специальных признаков ст. 187 УК РФ [5].

Банковская информация имеет двойственную природу. С одной стороны, она является ключевым источником доказательств: без выписок, логов, данных о привязанных устройствах и сведений о попытках блокировки невозможно реконструировать финансовый маршрут. С другой стороны, банковский антифрод-статус не должен автоматически превращаться в доказательство виновности. Включение реквизитов в базу данных о случаях и попытках переводов без добровольного согласия клиента, отказ банка в операции или срабатывание критерия мошеннического перевода являются поводом для про-

верки, но не заменяют процессуальное доказывание субъективной стороны.

Особое значение имеет Федеральный закон «О национальной платежной системе», который после изменений закрепляет обязанность оператора проверять признаки перевода без добровольного согласия клиента, приостанавливать или отказывать в совершении отдельных операций, учитывать сведения из базы Банка России и уведомлять клиента о причинах ограничения [6; 7]. Эта регулятивная модель полезна для профилактики преступлений, но в уголовном процессе ее данные должны проходить проверку на относимость, допустимость и достоверность. Следовательно, обязан установить, какой именно критерий сработал, когда и на основании каких сведений, кто сформировал запись, была ли она оспорена и как соотносится с фактическими действиями подозреваемого.

С 1 января 2026 г. Банк России расширил перечень признаков мошеннических переводов с 6 до 12, включая сведения о нетипичной операции, связи получателя с базой подозрительных операций, смене номера телефона, признаках удаленного доступа к устройству, переводе после поступления средств через СБП и данные государственной информационной системы противодействия ИКТ-правонарушениям [8; 9]. Для уголовного процесса это означает рост объема цифровых следов, но одновременно и рост риска «алгоритмического обвинительного уклона». Правоохранительные органы должны использовать такие признаки как ориентир для поиска доказательств, а не как готовый вывод о виновности.

В процессуальном плане наиболее уязвимы три блока доказательств. Первый - переписка в мессенджерах, где часто содержатся инструкции куратора, обещание вознаграждения и правила поведения при звонке банка. Второй - данные об устройствах и IP-адресах, позволяющие установить, кто фактически входил в мобильный банк. Третий - видеозаписи банкоматов и камер, подтверждающие снятие наличных. Каждый из этих блоков требует соблюдения процедуры получения, фиксации и исследования. Нарушение порядка выемки устройства, отсутствие понятых или видеозаписи при следственном действии, неясное происхождение скриншотов переписки либо неполная цепочка хранения электронного носителя создают существенные риски признания доказательств недопустимыми.

Оптимальная процессуальная модель должна строиться вокруг понятия цифровой цепочки доказательств. Следовательно, не просто приобщает отдельные документы, а последовательно связывает: источник преступного поступления - счет получателя - электронное средство

платежа - устройство авторизации - лицо, фактически распоряжавшееся доступом - коммуникацию с организатором - материальную выгоду. Только такая цепочка позволяет обосновать не формальное совпадение банковских реквизитов, а именно уголовно наказуемое участие в дропперской схеме.

Первая типовая ситуация - установлен владелец счета, на который поступили средства потерпевшего, но он отрицает передачу карты и утверждает, что сам стал жертвой мошенников. Здесь первоочередное значение имеют данные о моменте открытия счета, выпуске карты, способе получения карты, последующих действиях с мобильным банком, смене номера телефона, геолокации операций, а также переписка с лицами, предложившими заработок. Следственная ошибка состоит в преждевременном предъявлении обвинения только на основании выписки. Такая выписка фиксирует финансовый маршрут, но не объясняет субъективную сторону.

Вторая ситуация - лицо признает передачу карты за вознаграждение, но утверждает, что не знало о преступном происхождении денег. В этом случае необходимо проверять не декларативное признание, а содержание договоренности. Имеют значение размер вознаграждения, отсутствие законной экономической цели, инструкции о снятии наличных, требование передать карту вместе с PIN-кодом, запрет обращаться в банк, использование нескольких карт, срочность операции и удаление переписки. Совокупность этих признаков может свидетельствовать об осознании неправомерного характера схемы.

Третья ситуация - дроппер выполняет роль «кассира»: получает деньги на карту, снимает наличные, передает их курьеру или переводит дальше. Здесь центральным становится вопрос о границе между ст. 187 УК РФ и соучастием в мошенничестве. Если установлена коммуникация с лицами, непосредственно вводившими потерпевших в заблуждение, либо участие обвиняемого в распределении ролей, квалификация только по ст. 187 УК РФ может быть недостаточной. Если же лицо выполняло техническую операцию по выводу средств, не участвуя в обмане, базовой должна быть новая конструкция неправомерного оборота средств платежей.

Четвертая ситуация - электронное средство платежа приобретено или передано посторонним лицом, которое не является стороной договора с оператором. Такая модель охватывает посредников, скупающих карты, аккаунты мобильного банка, SIM-карты, доступы к электронным кошелькам. В этих делах особенно важны контрольные закупки, осмотры цифровых торговых площадок, анализ объявлений в мессенджерах, фиксация переписки и установление сети покупа-

телей. Квалификация должна учитывать, что общественная опасность посредника выше, чем у разового клиента-дропа, поскольку он обеспечивает масштабирование криминальной платежной инфраструктуры.

Пятая ситуация - лицо впервые совершило деяние и готово содействовать раскрытию преступления. Примечание к ст. 187 УК РФ предусматривает освобождение клиента оператора от уголовной ответственности по частям 3 или 4 при активном содействии раскрытию и расследованию преступления и добровольном сообщении о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного электронного средства платежа [10]. Эта норма является криминологически верной: она создает стимул для выхода нижнего уровня дропперской сети из преступной схемы. Однако ее применение требует процессуальной определенности: в материалах дела должны быть зафиксированы добровольность сообщения, конкретность сведений, их проверяемость и реальный вклад лица в раскрытие организаторов.

Современная борьба с дропперством развивается в двух плоскостях: банковско-регулятивной и уголовно-процессуальной. Первая ориентирована на скорость: банк должен предотвратить подозрительную операцию до списания или немедленно ограничить дальнейшее использование электронного средства платежа. Вторая ориентирована на доказанность: суд должен установить событие преступления, виновность лица, форму вины, мотив, размер вреда, роль каждого участника и допустимость доказательств. Эти плоскости не совпадают и не должны смешиваться.

Антифрод-система работает с вероятностями. Она выявляет нетипичные операции, совпадения с базами, технические риски, странные маршруты денег. Уголовный процесс работает с доказательствами и стандартом убедительности. Поэтому сведения Банка России, банка-плательщика или банка-получателя должны использоваться как информационный вход в расследование, но не как презумпция виновности. Иначе возникнет опасная модель: алгоритм определяет подозрительность, следователь воспроизводит ее как обвинение, суд подтверждает ее как доказанность.

Для предотвращения такого смешения следует закрепить в методических рекомендациях минимальный стандарт доказывания по делам о дропперстве. Он должен включать не менее трех взаимосвязанных групп доказательств: транзакционные данные, подтверждающие неправомерную операцию; коммуникативные или поведенческие данные, подтверждающие связь лица с организатором и указания; имущественные дан-

ные, подтверждающие корыстную заинтересованность или получение выгоды. В отсутствие хотя бы одной группы обвинение должно оцениваться критически, особенно если лицо заявляет о собственном обмане или принуждении.

Гарантийный аспект важен еще и потому, что новые составы потенциально массовы. Дропперские схемы вовлекают студентов, безработных, мигрантов, зависимых лиц, несовершеннолетних, пожилых граждан. Уголовная политика должна быть направлена не на максимальное число привлеченных низовых участников, а на разрушение инфраструктуры: вербовщиков, администраторов каналов, покупателей карт, координаторов финансовых потоков, лиц, распределяющих средства после обналаживания. Для этого институт освобождения от ответственности при активном содействии должен применяться не формально, а как инструмент процессуального выхода к организаторам.

Практически целесообразно разработать разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения новых частей ст. 187 УК РФ. В нем необходимо указать: критерии корыстной заинтересованности; признаки осознания неправомерности операции; правила разграничения с мошенничеством, легализацией и незаконной банковской деятельностью; значение данных антифрод-систем; порядок оценки передачи карты под влиянием обмана; особенности применения примечания об освобождении от ответственности. Без такого разъяснения региональная практика неизбежно пойдет по пути неоднородности.

Не менее важна процессуальная стандартизация банковских запросов. Следствию нужны не только выписки, но и расширенные технические сведения: время авторизаций, устройство, IP-адрес, способ подтверждения операции, привязанные номера, история смены данных, информация о срабатывании антифрод-критерия, основания включения реквизитов в базу и сведения о последующем исключении. Банки, в свою очередь, должны предоставлять такую информацию в машиночитаемом и юридически удостоверенном виде, пригодном для экспертного исследования и судебной проверки.

Криминализация дропперства в рамках ст. 187 УК РФ является закономерной реакцией на трансформацию имущественной преступности в условиях цифрового платежного оборота. Ее значение состоит не только в наказании лиц, передающих карты или счета, но и в создании уголовно-правового инструмента против инфраструктуры дистанционного мошенничества. Вместе с тем новая норма будет эффективной только при отказе от упрощенной логики «поступили похищенные деньги - владелец счета виновен».

Дропперство следует квалифицировать как посягательство на порядок безопасного использования электронных средств платежа, а не как автоматическую разновидность мошенничества или легализации. Его обязательными смысловыми признаками являются неправомерная операция, использование электронного средства платежа или доступа к нему, корыстная заинтересованность либо специальный статус постороннего лица, а также осознание противоправной функции платежного инструмента. Отсутствие этих признаков должно исключать уголовную ответственность по новым частям ст. 187 УК РФ.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240043> (дата обращения: 03.06.2026).
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 187 «Неправомерный оборот средств платежей» (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.06.2026).
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
- [5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 73, 74, 81, 86, 164.1, 165, 183, 186, 186.1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.06.2026).
- [6] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
- [7] Федеральный закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О национальной платежной системе”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31. Ст. 5781.
- [8] Банк России. Какие признаки мошеннических переводов применяются с 1 января 2026 года? // Официальный сайт Банка России. URL:

<https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/11403/> (дата обращения: 03.06.2026).

[9] Приказ Банка России от 05.11.2025 № ОД-2506 «О внесении изменений в приказ Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027» // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123> (дата обращения: 03.06.2026).

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 75, примечание 4 к ст. 187 // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Federal Law of June 24, 2025 No. 176-FZ “On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240043> (accessed: June 3, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on April 9, 2026). Article 187 “Illegal Circulation of Payment Funds” (as amended on April 9, 2026) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date accessed: 03.06.2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 2.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.07.2015 No.

32 “On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 9.

[5] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 09.04.2026). Art. 73, 74, 81, 86, 164.1, 165, 183, 186, 186.1 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 03.06.2026).

[6] Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ “On the National Payment System” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 27. Art. 3872.

[7] Federal Law of July 24, 2023 No. 369-FZ “On Amendments to the Federal Law “On the National Payment System”” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 31. Article 5781.

[8] Bank of Russia. What Signs of Fraudulent Transfers Will Apply Starting January 1, 2026? // Official website of the Bank of Russia. URL: <https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/11403/> (date accessed: June 3, 2026).

[9] Order of the Bank of Russia dated November 5, 2025 No. OD-2506 “On Amendments to Order of the Bank of Russia dated June 27, 2024 No. OD-1027” // Official website of the Bank of Russia. URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123> (accessed: 03.06.2026).

[10] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 09.04.2026). Art. 75, note 4 to Art. 187 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 03.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.